

Новое глобальное
управление:
на пути к более
устойчивой системе

Ярослав Лисоволик, Марк Узан

Об авторах

Ярослав Лисоволик

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», управляющий директор по аналитической работе и главный экономист Евразийского банка развития

Марк Узан

Исполнительный директор Комитета за обновление Бреттон-Вудской системы (RBWC), Нью-Йорк, США

Данный текст и другие материалы
можно найти на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

В 2015 году, когда Комитет за обновление Бреттон-Вудской системы (Reinventing Bretton Woods Committee, RBWC) издал доклад «Бреттон Вудс: следующие 70 лет», ряд авторов этого памятного издания призвали к реформе мировой финансовой архитектуры во всё более многополярном мире. Этот план Комитет реализует уже некоторое время.

Три года назад никто не мог предвидеть отказ США – нации, породившей новый мировой порядок после Второй мировой войны и наметившей большую стратегию по восстановлению экономики и безопасности Европы¹, – от принципов глобализации. Следует ли беспокоиться по поводу США, сосредоточенных на своих внутренних проблемах и уступающих место другим странам, прежде всего Китаю, который недавно выступил с масштабной инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП), сводящейся к идеям, способным изменить мир? Выступив с этой инициативой, Китай тем самым предложил крупнейший план урбанизации и развития инфраструктуры на планете. Эта инициатива стоимостью 900 млрд долларов реализуется уже на протяжении пяти лет и включает в себя прокладку новых дорог, морских путей и строительные проекты, охватывающие более 65 стран. Китайцы буквально перестраивают мировую торговлю – во всей Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Европе. Китайские компании покупают грузовые терминалы от Индийского океана до многочисленных стратегических портов в Европе. Пришла ли пора и другим присоединиться к французскому президенту Эммануэлю Макрону, призывающему к равноправному использованию этих маршрутов, о чём он заявил во время недавнего визита в Китай?

Сталкиваясь с многочисленными угрозами – от изменения климата до революционных технологических прорывов – мир явно находится на перепутье. Более чем когда-либо требуется стабильное и дееспособное мировое управление. Однако из-за усиливающегося на Западе общественного неравенства, особенно среди среднего класса, а также законного разочарования видимой недееспособностью либерального порядка, оппозиция либеральному управлению беспрецедентно высока. Фрэнсис Фукуяма, Эдвард Люс и Ян-Вернер Мюллер считают популистский национализм одной из самых серьёзных угроз будущей стабильности. Как система многосторонних отношений может лучше гармонизировать реакцию отдельных стран на новые вызовы с поддержанием стабильности в мире?

Реакция, которую мы сегодня видим, – это кризис переходного периода, когда послевоенный Бреттон-Вудский порядок под руководством США уступает место новой конфигурации глобальной силы, новым коалициям стран, новой системе управления и новым институтам. Это было явно продемонстрировано на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2018 году, где были озвучены три конкурирующих подхода к устройству будущего миропорядка. Президент Дональд Трамп призвал к экономическому национализму и отходу его страны от существующей системы. Китайское руководство предложило новую глобальную экономическую систему, основанную на принципе «общего будущего для человечества».

¹ Eichengreen B., Uzan M. *The Marshall Plan // Economic Policy*. 1992. Vol. 7, issue 14. April 1. Pp. 13–75.

В отличие от них канадский лидер Джастин Трюдо и президент Франции Эммануэль Макрон призвали западных лидеров удвоить усилия для сохранения нынешнего либерального порядка. В том же духе выступил премьер-министр Индии Нарендра Моди, предупредивший лидеров об угрозах, с которыми сталкивается глобализация: «Силы протекционизма поднимают голову, чтобы противостоять глобализации». Ангела Меркель подчеркнула важность многостороннего подхода и предупредила, что мы не вынесли должного урока из самых мрачных страниц истории человечества: «Дух многостороннего сотрудничества, возродивший Европу и сформировавший наши международные институты после Второй мировой войны, сегодня подвергается опасности». Если лидеры крупнейших стран мира и международных организаций не смогут прийти к согласию, как найти наиболее приемлемый способ дальнейшего развития?

Сможем ли мы обновить дух интернационализма сегодня, живя в мире, где ни одно государство не может быть хранителем глобализации?

Хотя мы можем быть свидетелями упадка международного сотрудничества, Китай, тем не менее, сделал огромные шаги для самоутверждения в выстраивании глобальной экономической политики и управления. Так, в период недавнего председательства Китая «Группа двадцати» продолжила движение в позитивном направлении: от концентрации исключительно на борьбе с кризисами к проблемам глобального управления. Таким образом, «Группа двадцати» становится платформой для международного сотрудничества и общения, которое выходит далеко за рамки координации макроэкономической политики.

Более того, Китай продолжает заявлять о своём желании видеть более сбалансированную систему с созданием международных экономических институтов, дополняющих уже имеющиеся соглашения, не конкурирующих с ними. Помимо Всемирного Банка и Международного валютного фонда (МВФ) сегодня уже действуют новые институты, такие как Новый банк развития стран БРИКС, договорённости внутри БРИКС о валютных свопах, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шёлкового Пути, убедительно сигнализирующие о том, что ландшафт системы глобального экономического управления находится в процессе трансформации, которую нельзя игнорировать и которая олицетворяет собой сдвиг в направлении многополярного устройства.

Это хорошая новость для всего мира, потому что многополярная система должна быть более стабильной, чем биполярная или однополярная, правящие бал сегодня. Положительным побочным эффектом инициативы ОПОП является углубление финансовой интеграции страны в мировое сообщество, рост прямых иностранных инвестиций из Китая, более широкое использование юаня по мере того, как всё больше китайских компаний участвуют во внешней торговле, а региональные инвестиционные и инфраструктурные контракты всё чаще деноминируются в китайской валюте.

Будущая реформа Бреттон-Вудской системы

За последние полгода пути США и Европы разошлись по всем вопросам: от изменения климата до проблем торговли и сохранения открытой, многосторонней международной системы. Сегодня Европейский союз (ЕС) остался без сильного партнёра, который бы разделял его видение и мог взять на себя ответственность за глобальное управление. Однако, чтобы ответить на этот вызов, необходимо, прежде всего, подумать над тем, чего должны были достичь Бреттон-Вудские соглашения и МВФ – организация, созданная для надзора за новым финансовым порядком.

Бреттон-Вудс стал почти синонимом фиксированного обменного курса, преобладавшего со времени создания МВФ до отказа от фиксированных ставок в 1973 году. Однако визионеры, присутствовавшие на Бреттон-Вудской конференции, держали в голове более масштабные цели. Как говорилось в статьях Устава МВФ, они стремились к установлению системы, которая бы «развивала международное финансовое сотрудничество», «способствовала расширению и сбалансированному росту мировой торговли» и «тем самым вносила вклад в поддержание высокого уровня занятости и реальных доходов». Они также стремились к «обеспечению стабильности валютных курсов..., поддержанию упорядоченного обмена между членами и... недопущению конкурентного занижения обменного курса». В то же время они хотели «способствовать созданию многосторонней системы платежей в отношении текущих сделок между членами и устранить ограничения на валютно-обменные операции, препятствующие росту мировой торговли». Как следует из этих положений, целью Бреттон-Вудса, прежде всего, являлось создание более стабильной и процветающей мировой экономики, а роль МВФ сводилась к тому, чтобы содействовать созданию всех необходимых предпосылок для этого.

МВФ по-прежнему необходим, чтобы помогать странам преодолевать финансовые трудности в соответствии с принятыми международными нормами, вызволять их из кризиса ликвидности и способствовать урегулированию кризисов. Значит ли это, что недопущение последних должно быть главным стержнем в работе МВФ? Должен ли он наращивать усилия по сбору и распространению информации среди инвесторов

и рынков, охватывая показатели финансовой уязвимости и фундаментальные макроэкономические параметры? В какой мере должны увеличиться его средства по обеспечению ликвидности, и при каких обстоятельствах Фонд должен предоставлять странам финансовую поддержку?

Действительно, условия, в которых действует Фонд, изменились, но не изменились инструменты, имеющиеся в его распоряжении. Может ли МВФ действовать в рамках нынешней структуры управления, или ему требуется реформа управления? Есть ли у Фонда эффективная система внутреннего регулирования и контроля, а также механизм управления рисками для борьбы с кризисами, связанными с балансом движения капитала? (Следует ли пересмотреть статус привилегированного кредитора с учётом новых обстоятельств, если мы имеем дело с проблемами фискальной политики, а не платёжного баланса?) Как примирить неравенство в смысле веса экономики и финансового вклада с потребностью в более инклюзивном принятии решений в рамках международных организаций и механизмов (например, при голосовании в МВФ)? Как развивающиеся экономики могут быть представлены наилучшим образом в международной финансовой архитектуре с учётом того, что улучшение перспектив их развития — главная цель глобального финансового управления? Сможет ли в этой связи «Группа двадцати» послужить основой для этого — по-видимому, в сочетании с региональными формами управления?

Другой важный вызов, с которым сталкивается мировая финансовая система — это появление цифровых валют. Представляется, что нынешние дебаты о цифровых валютах — это уникальная возможность интегрировать финансовые инновации с реформой системы. В самом деле, цифровые валюты — это важный компонент инноваций мировой финансовой сферы, которые стимулировали дебаты о том, что такое деньги, какова их суть. Они сулят важные экономические выгоды и дают возможность выбора среди различных альтернатив шатким национальным валютам, способствуют большей эффективности финансовых транзакций и снижению транзакционных издержек. В то же время они связаны со значительными рисками и нацелены на подрыв реалий существующей финансовой системы, представляя для неё вызов. Как таковые, цифровые валюты, вероятно, окажут сильное воздействие на международную финансовую архитектуру.

Независимо от того, будут ли цифровые валюты действительно играть ключевую роль в новой финансовой системе, мировая экономика, в которой сегодня быстро развиваются финансовые транзакции, отсутствие

заслуживающего доверия решения проблемы управления международной ликвидностью и отсутствие глобального инструмента, позволяющего адаптировать уровень мировых резервов к своим потребностям — это вызов для мировой экономики. Поскольку центральным банкам разных стран не просто выработать финансовую позицию, нацеленную на снижение рисков для остального мира, вытекающих из внешних факторов, потребность в институте, облегчающем общую оценку ситуации в мире и принятие соответствующих корректирующих мер, становится всё более настоятельной. В идеале такая организация должна иметь возможность восполнять недостающую в мире ликвидность или выводить часть этой ликвидности в обратной ситуации. Именно об этом говорил Джон Кейнс в начале 1930-х годов: «В идеале, конечно, нужно было бы создать наднациональный банк, который будет связан с национальными центральными банками примерно так же как, сегодня центральная банк какой-либо страны с связан с подчинёнными ему банками».

В нынешних политических условиях едва ли возможно преобразование МВФ в мировой «центральный банк центральных банков». Но в равной степени было бы нереалистично думать, будто многополярный мир со множеством разных валют будет и в течение следующих десятилетий мириться с положением дел, при котором мировая ликвидность определяется кредитно-денежной политикой страны, отказывающейся, хотя и по праву, учитывать глобальные последствия своих решений в области экономической политики.

Интеграционные платформы «глобального Юга»

Поднимающий голову протекционизм, исходящий от США, в последнее время достиг такого уровня, что стал одним из главных вызовов устойчивому восстановлению мирового экономического роста. Но помимо прямого воздействия подобного протекционизма на динамику мировой экономики, он может также существенно повлиять на развитие экономических альянсов и мировую экономическую архитектуру. В частности, дальнейшее усугубление торговых споров, вероятно, снизит эффективность международных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), и повысит привлекательность двусторонних и региональных альянсов в качестве альтернативы многостороннему сотрудничеству в рамках глобальных площадок.

Ряд других факторов ещё больше повышает привлекательность активного регионализма для развивающихся экономик. С одной стороны, глобальные институты являют собой парадоксальное сочетание крайне низкой эффективности, когда голоса распределяются между странами-членами (ВТО) на равноправной основе, либо явного неравенства при распределении голосующих долей между развивающимися и развитыми экономиками (МВФ). С другой стороны, региональной интеграции в развивающемся мире очень не хватает структуры и согласованности интеграционных схем развитых экономик: достаточно сравнить интеграционные модели в Северной и Южной Америке, в Европе и Азии.

Регионализм в формате Юг–Юг может принимать разные формы, но самая прямая, расчётливая и простая – это механизм координации между панконтинентальными соглашениями/организациями на каждом континенте, представляющими развивающийся мир: Южную Америку, Африку и Евразию. Такой упрощённый механизм имеет преимущество в том, что он может смягчать потенциально серьёзные координационные проблемы, связанные с усилиями по объединению множества имеющихся региональных торговых соглашений (РТС) между развивающимися странами. Важно то, что эти панконтинентальные соглашения уже существуют и могут служить в качестве фундамента для трёхстороннего союза между континентальными альянсами развивающихся экономик: Африканский союз на Африканском континенте; Сообщество южноамериканских и карибских государств (СЕЛАК) или Союз южноамериканских стран (УНАСУР) в Южной Америке; Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая является самой всеобъемлющей платформой для кооперации Юг–Юг, в Евразии.

Дальнейшей стадией расширения ШОС мог бы стать механизм ШОС+, который стремился бы расширить сферу действия этой организации на «Большую Евразию» развивающегося мира. Подобный механизм ШОС+ понадобится, чтобы объединить страны ШОС и их партнёров с региональными блоками в арабском мире на западе континента (такими как Совет сотрудничества стран Персидского Залива, ССАГПЗ), а также с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – на востоке. Другими словами, благодаря такому «набору возможностей», механизм ШОС+ мог бы охватить все развивающиеся страны на Евразийском континенте.

Механизм кооперации, реализуемый развивающимися экономиками Африканского союза, ШОС+ и СЕЛАК (который мы условно называем здесь Трёхсторонним межконтинентальным союзом, ТРИА), мог бы стать самой широкой межрегиональной платформой кооперации Юг–Юг, помимо других

ПАНКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ (ТРИА)

возможных платформ, таких как БРИКС+, представленная соответствующими региональными договорами об интеграции каждой экономики БРИКС (МЕРКОСУР для Бразилии, Евразийский экономический союз – для России, Южноафриканский таможенный союз – для ЮАР, ШОС – для Китая и Индии). Фактически ТРИА можно считать расширением модели БРИКС+, которая должна охватить более широкий круг потенциальных партнёров стран БРИКС.

По сути, круг ТРИА можно считать логическим расширением платформы БРИКС+ по принципу регионального партнёрства и сотрудничества: состав альянса БРИКС+ на основе РТС расширяется для включения в него других региональных партнёров ввиду их близости и расположения на том же континенте. Итоговая платформа для сотрудничества объединяет подавляющее большинство развивающихся экономик, что открывает возможность распространять взаимное сотрудничество на решение глобальных проблем, таких как безопасность или связи между Севером и Югом.

БРИКС-ПЛЮС: ЧЕГО ОЖИДАТЬ ОТ РАСШИРЕНИЯ БЛОКА?

Продолжением БРИКС является концепция БРИКС-плюс: расширение межрегионального блока до региональных организаций, в которых члены блока занимают лидирующие позиции. Также важно создание новых и расширение существующих банков развития, в которых участвуют страны БРИКС

Страны БРИКС составляют

16%
мировой
торговли

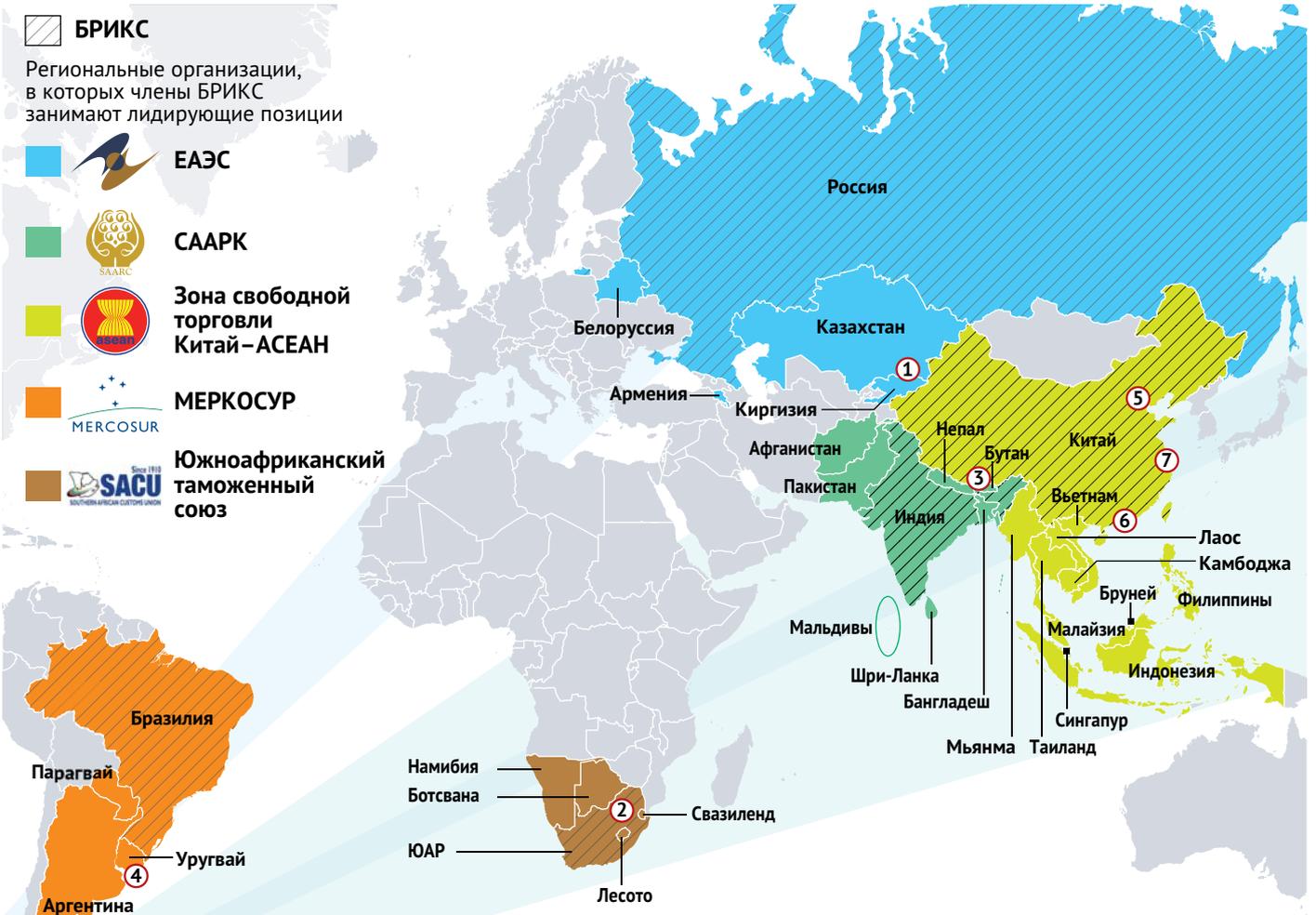
15%
в резерве
МВФ

23%
мирового
ВВП

40%
населения
земли

Региональные банки развития

1 Евразийский банк развития (ЕАБР), Алма-Ата

2 Банк развития Южной Африки, Йоханнесбург

3 Фонд развития СААРК, Тхимпху (Бутан)

4 Фонд структурной конвергенции МЕРКОСУР (ФСК), Монтевидео (Уругвай)

5 Банк развития Китая (БРК), Пекин

6 Фонд инвестиционного сотрудничества Китай-АСЕАН (КАФ), Гонконг

7 Новый банк развития (НБР), Шанхай

Источник: "Theme and Cooperation Priorities of 2017 BRICS Summit." brics2017.org
Валдайская записка №69. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация?

За последние несколько лет развивающиеся страны уже предприняли важные шаги в направлении усиления трансконтинентального сотрудничества между АС, СЕЛАК/УНАСУР и ШОС. В частности, СЕЛАК в своей Декларации 2015 года призвали к укреплению двусторонних связей с другими региональными группами и, в частности, с БРИКС, Африканским Союзом и Лигой арабских государств. СЕЛАК также активно развивает связи с Китаем, что привело к созданию форума Китай–СЕЛАК. В рамках региональной деятельности по наведению мостов во время саммита БРИКС 2014 года Бразилия пригласила лидеров стран УНАСУР, а ЮАР пригласила Африканский союз на саммит БРИКС 2013 года. В 2015 году Россия провела встречу глав ШОС/ БРИКС в Уфе.

В конечном итоге строительство новой системы мирового управления сводится не к количественному росту числа региональных соглашений о сотрудничестве на «глобальном Юге», а в усилении координации и качества уже имеющихся региональных групп, поскольку схема координации позволяет развивающимся экономикам эксплуатировать синергию разных региональных интеграционных проектов. Подобная координация может осуществляться с помощью интеграционных платформ, стремящихся к агрегированию и объединению существующих региональных соглашений, чтобы развивающиеся экономики могли извлекать реальные экономические выгоды в торговой, финансовой и инвестиционной сферах. Соответственно, матрица интеграционных платформ может состоять из двух групп: региональных интеграционных платформ, основанных на сотрудничестве между географически разбросанными региональными торговыми соглашениями (РТС) или региональными инвестиционными соглашениями (РИС), и финансовыми институциональными платформами развивающегося мира. Первая группа имеет три слоя:

- **региональная интеграция**, представленная такими соглашениями как ЕАЭС, МЕРКОСУР и др.;
- **панконтинентальные соглашения**, такие как Африканский Союз, СЕЛАК или предлагаемый ШОС+;
- **трансконтинентальная координация**: БРИКС+, объединяющий крупнейшие группы региональной интеграции развивающегося мира, где страны БРИКС играют главную роль; или предложенный Трёхсторонний межконтинентальный союз (ТРИА), объединяющий АС, СЕЛАК и ШОС+².

² Lissovolik Y. *Imago Mundi: a South-South concert of continents* // Valdai Discussion Club. 2018. January 31. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/imago-mundi-a-south-south-concert-of-continents/>

Вторая группа, а именно финансовые платформы кооперации «глобального Юга», могла бы включать:

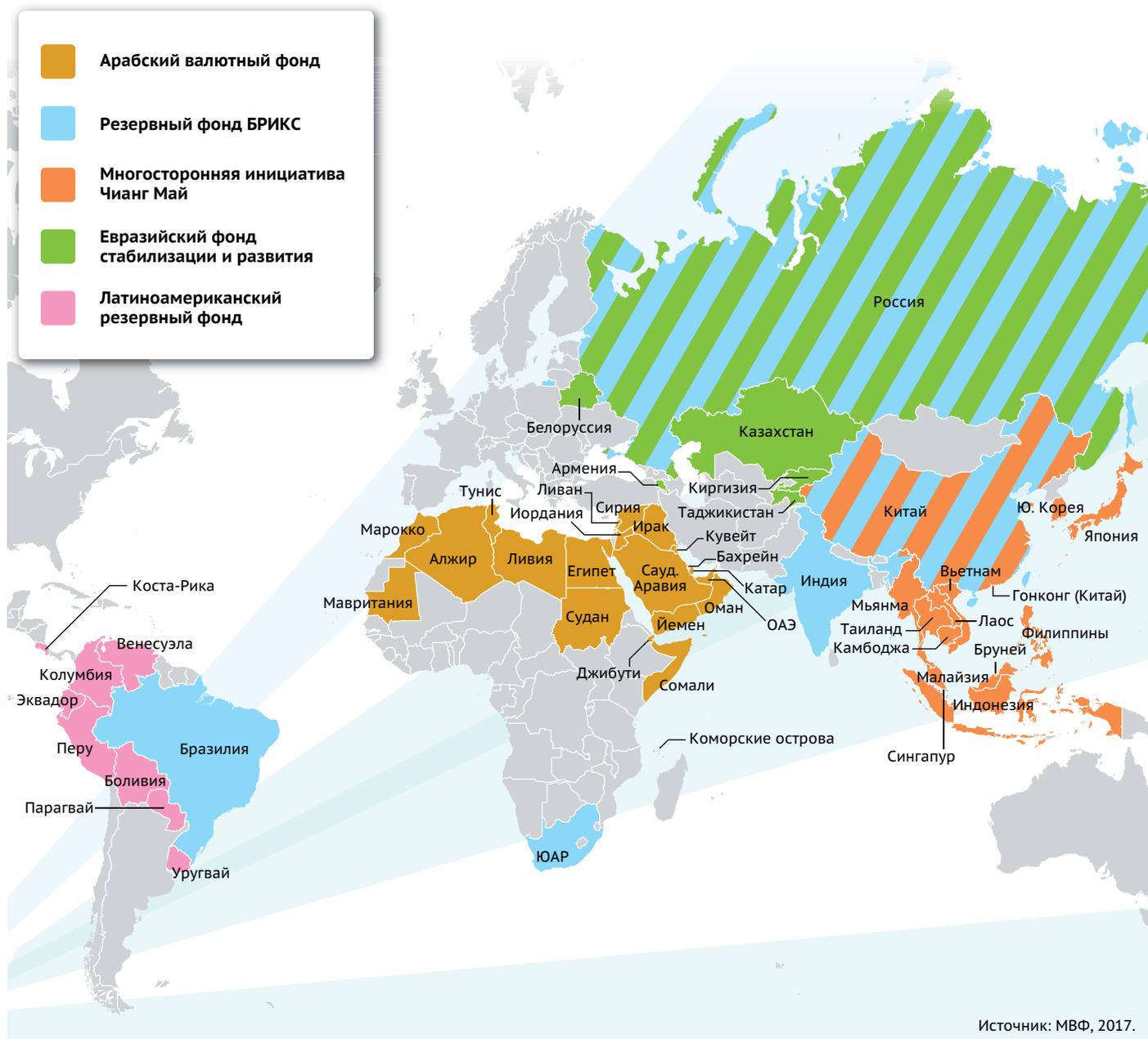
- **платформу региональных фондов и банков развития** развивающихся стран, таких как Евразийский банк развития или Фонд развития Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества;
- **платформу региональных соглашений о финансировании** (РСФ), таких как Евразийский фонд стабилизации и развития или Латиноамериканский резервный фонд;
- **платформу суверенных фондов благосостояния** (СФБ), таких как Китайская инвестиционная корпорация или Суверенный инвестиционный фонд Абу-Даби.

Первая группа интеграционных платформ (на основе РТС и РИС) расширяет рамки торговых и инвестиционных альянсов по всему периметру Юг–Юг, причём каждый предшествующий уровень служит основой для более высоких уровней интеграции. Такая же взаимодополняющая, взаимоусиливающая конструкция предполагается и во второй группе, где платформа, обеспечивающая сотрудничество региональных (и национальных) банков развития, отвечает за микроэкономическую интеграцию на уровне компаний и секторов, тогда как координация на уровне РФА улучшает макроэкономику для финансирования проектов. Платформа СФБ (единственная нерегиональная платформа, объединяющая национальные фонды) могла бы также использоваться для улучшения условий для более тесного сотрудничества Юг–Юг, в том числе в региональном контексте через совместное финансирование общих высокоприоритетных интеграционных проектов и поддержку использования национальных валют с целью укрепления их региональной и глобальной роли.

Стоит отметить растущую значимость и долю развивающихся стран в общих ресурсах РСФ и СФБ. Согласно МВФ, в рамках Глобальной сети финансовой безопасности «Фонд, второй по величине компонент (после собственных резервов) до кризиса, лишь незначительно увеличил свою долю в некоторых местах, отставая от региональных схем финансирования»³. Подавляющее большинство РСФ имеют происхождение в странах развивающегося мира. В отношении СФБ роль последних ещё более значительна: согласно Институту исследования суверенных фондов (SWFI), в середине 2017 года доля стран Персидского залива в общих активах мировых СФБ

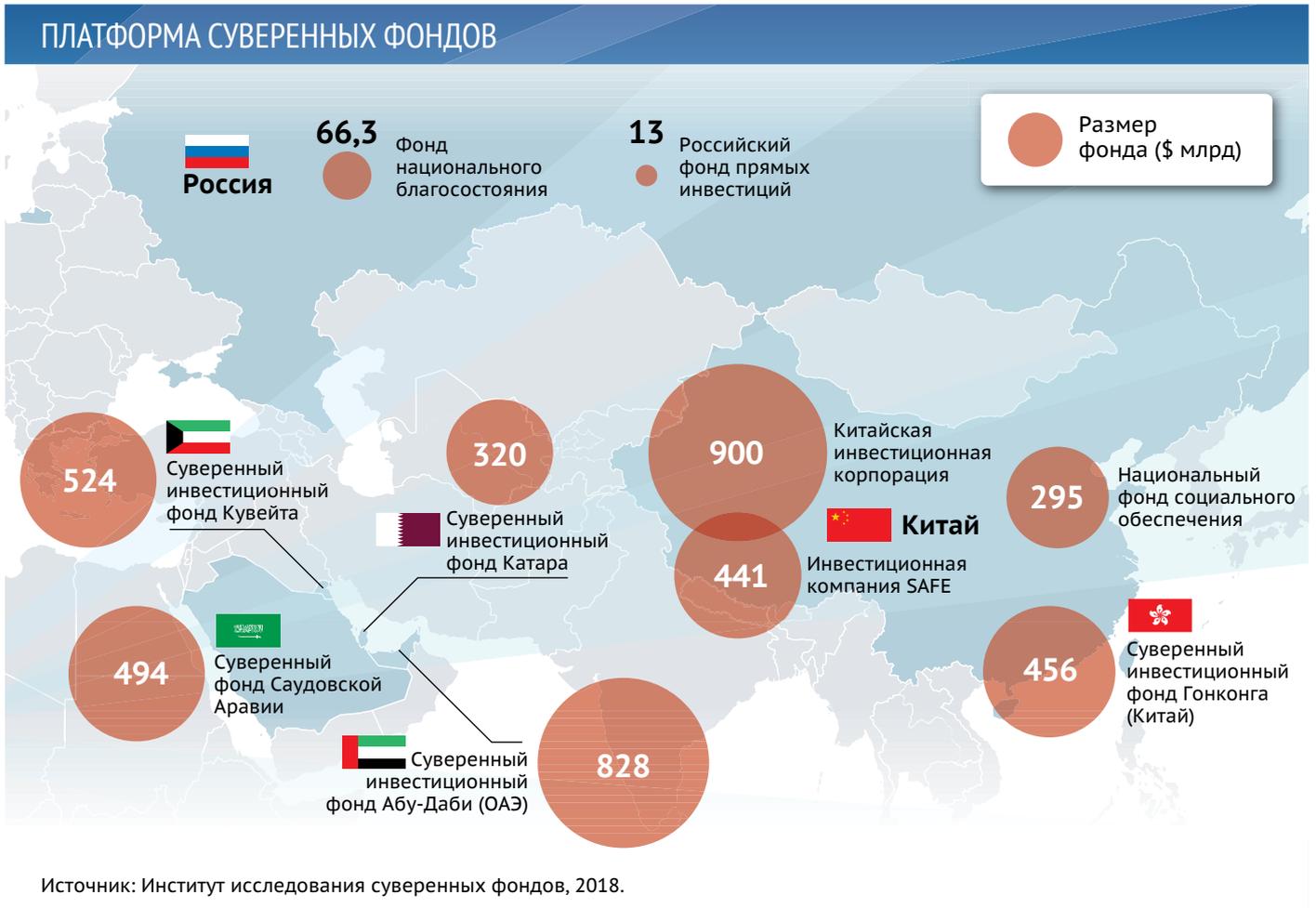
³ *Collaboration between regional financing arrangements and the IMF. IMF Working paper. July, 2017. P. 9. URL: <https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/PP/2017/pp073117-collaboration-between-regional-financing-arrangements-and-the-imf.ashx>*

ПЛАТФОРМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

составила 38,8%; доля нефти и газа в резервах СФБ в середине 2017 года составляла 56,2%, тогда как доля Азии, Африки и Ближнего Востока превысила 80% в 2015 году.

С учётом взаимозависимости всех этих платформ Юг–Юг, явно необходима координация посредством формата БРИКС+ и ежегодные саммиты БРИКС или в рамках отдельного форума, объединяющего представителей от всех этих платформ, для обсуждения политических перспектив и режимов

сотрудничества. В то же время подобные платформы «глобального Юга» должны быть гибкими, но одновременно опираться на ключевые принципы и режимы, характерные для региональной интеграции в соответствии с целями развития ООН, ВТО и других многосторонних организаций:

- **устойчивость** – интеграция должна быть направлена на снижение несбалансированности и неравенства в мировой экономике;
- **инклюзивность** – возможность участия третьих стран в интеграционных соглашениях;
- **открытость** – доступность третьим сторонам выгод от экономической интеграции и либерализации;
- **структурированный подход к интеграции** – интеграция, исключая дублирование и возникновения трений, стремящаяся использовать синергию и взаимодополнение.

Влияние формирующихся платформ «глобального Юга» на эволюцию мировой экономики и воссоздание мировой экономической архитектуры может быть значительным. Прежде всего матрица таких платформ могла бы помочь в преодолении раздробленности в системе региональных альянсов Юг–Юг.

Объединение имеющихся платформ и более тесное сотрудничество между основными региональными объединениями и институтами могло бы усилить позиции развивающихся стран в мировых организациях, таких как ВТО и МВФ. Влияние либерализации торговли и инвестиций в контексте кооперации Юг–Юг может также рассматриваться как менее обременительная для развивающихся экономик по сравнению с крупномасштабной либерализацией относительно развитых экономик. Наконец, объединение интеграционных платформ в рамках кооперации Юг–Юг могло бы обеспечить необходимую либерализацию мировой экономики и рыночную открытость в то время, как развитому миру ещё только предстоит выработать ответные меры на, вероятно, самую мощную волну протекционизма за последние 100 лет.

Выводы: продвижение к новой глобальной системе сотрудничества

Нынешняя система глобального управления пребывает в стадии трансформации по мере ослабления централизованного характера её институтов, тогда как национальные государства снова начинают утверждать своё влияние. В то же время промежуточный слой глобального управления (между глобальными институтами и национальными государствами), а именно региональные интеграционные схемы, претерпевает колоссальные изменения. Так, помимо формирования масштабных региональных блоков и чисто количественного роста, что приводит к «дезорганизации» (иногда вместе с двусторонними соглашениями о зоне свободной торговли этот эффект называют «миска спагетти»), проекты региональной интеграции, наряду с осью сотрудничества Юг–Юг, становятся главным фокусом «альтернативной экономической интеграции» в противовес продвинутой системе интеграции в развитом мире. Именно этот промежуточный слой регионализма может стать более заметным фактором экономических и политических противоречий мировой экономики в будущем, а также причиной нестабильности меняющейся системы глобального управления. В этой связи возникает необходимость в заключении договоров для повышения стабильности в рамках системы глобального управления посредством координации региональных институтов и интеграционных соглашений.

В этом контексте, если говорить о сотрудничестве между региональными организациями развития, имеется целый ряд доводов в пользу

многосторонних консорциумов региональных банков развития для укрепления связей и реализации более широких целей развития. В случае инициативы ОПОП подобная платформа кооперации могла бы свести воедино институты развития Китая, а также другие банки и фонды развития на евразийском континенте, которые могут сформировать некий консорциум по развитию Шёлкового пути. Основой деятельности этого консорциума может стать синергия в процессе сотрудничества действующих евразийских институтов вдоль всего маршрута Шёлкового пути – от Европейского инвестиционного банка на западе континента до Банка развития Китая и Фонда инвестиционного сотрудничества Китай–АСЕАН – на востоке. Среди выгод можно отметить возможности совместного финансирования проектов в соответствующих регионах Евразии, возможность обмена экспертными знаниями в области развития инфраструктуры, поддержку выработки долгосрочных стратегий по проектам общих трубопроводов, а также содействие и взаимодополнение – а не противоречие и дублирование – усилий друг друга на евразийском пространстве.

Следующим этапом могло бы стать воспроизведение евразийских проектов, таких как ОПОП, на других континентах: в Африке или Южной Америке, где неразвитая инфраструктура и отсутствие региональных связей препятствует экономическому росту. В Африке континентальный консорциум институтов развития может включать соответствующие региональные банки развития, такие как Банк развития ЮАР, Африканский банк развития и т.д. Аналогичная континентальная платформа могла бы быть создана в Южной Америке. В неё могли бы войти Межамериканский банк развития, Фонд структурной конвергенции МЕРКОСУР, Латиноамериканский банк развития и другие организации развития.

В дальнейшем может быть создан механизм глобальной координации крупнейших соглашений региональной интеграции Севера и Юга. Подобная схема могла бы действовать отдельно на основе координации между соответствующими институтами регионального развития или же функционировать в опоре на глобальные сети и организации, такие как «Группа двадцати» или ВТО. «Группа двадцати» могла бы быть лучшим форумом для ведения дискуссий по формированию такой платформы и/или по более широким вопросам координации между региональными интеграционными соглашениями с учётом того, что она объединяет крупнейшие развивающиеся и развитые экономики, которые, в свою очередь, являются ведущими державами в своих регионах или на своих континентах. Это часто приводит к образованию региональных экономических блоков. Список некоторых таких крупнейших региональных интеграционных соглашений в этой системе мог бы включать

НАФТА, ЕС, МЕРКОСУР, ЕАЭС и Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), включающее Китай и страны АСЕАН.

В заключении следует отметить, что существующей системе глобального управления не хватает большей координации между региональными соглашениями – системы «синдицированного регионализма», который восполнил бы пробелы в региональной экономической кооперации. Процесс координации можно было бы институционализировать через более глубокую кооперацию соответствующих банков развития и других организаций. Дорожная карта для улучшения координации в региональной сфере охватывает такие организации, как ШОС и ОПОП в Евразии, а также аналогичные регионально-континентальные синдикаты в Африке и Латинской Америке. Можно также подключить трансконтинентальный элемент глобального управления в виде БРИКС+ и кооперационного механизма Север–Юг, объединяющий крупнейшие региональные интеграционные группы.

Восстановление архитектуры глобального управления с помощью региональных блоков может укрепить «опорные конструкции» здания мировой экономики. До сих пор почти никакого внимания не уделялось координации между различными региональными соглашениями, поскольку взаимодействие и регулирование осуществлялись в основном на уровне национальных государств или глобальных организаций. Процесс глобализации, основанный на интеграции и кооперации между региональными блоками, может оказаться более устойчивым и инклюзивным в сравнении с парадигмой предыдущих десятилетий типа «центр–периферия», и в этом заключается преимущество данного процесса.

Что самое важное, «синдицированный регионализм» связан с возможностью появления дополнительных каналов связи, экономической кооперации и разрешения кризисов, в то время как хрупкость и нестабильность мировой экономики выходит за пределы национальных границ и приобретает региональное измерение (отсюда более пристальное внимание МВФ к оценке уязвимости региональной экономики). Согласованный подход к регионализму позволит мировой экономике преодолеть некоторые межстрановые ограничения экономической кооперации, использовать региональные «эффекты масштаба» для развития экономического сотрудничества и в то же время потенциально снизить риски конфронтации между конкурирующими интеграционными проектами. Последние всё больше нацелены на образование мегарегиональных блоков («гонка мегарегионализма»), которые, в свою очередь, таят в себе ещё более значительные дивиденды, но также и большие риски.

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

 [t.me/valdaiclub](#)

 [ValdaiClub](#)

 [valdaiclubcom](#)

valdai@valdaiclub.com